

в том, что наибольшую ценность для изучения балто-славянских отношений представляют соотношения фразеологизмов одновременно в плане содержания и в плане выражения (полные фразеологические соответствия, тип *a*, по терминологии автора, с. 143—144). Однако автор несколько преувеличивает степень точности формального соответствия в случае лтш. *d-t dravū (dori)* — польск. *dziać drzewo* «устраивать борты» (с. 144), так как лтш. *dravū, dori* и слав. **dervo* представляют собою различные производные от одного корня. Кстати, это единственный обнаруженный автором в исследованном материале случай полного фразеологического соответствия.

Третий тип соответствий фразеологизмов, выделяемый Р. Эккертом, — частичные фразеологические соответствия (тип *b* у автора, с. 144—145). Тождество семантической структуры здесь сопровождается генетическим тождеством лишь одного компонента. Отнесенный сюда автором материал представляется неоднородным: ср. польск. *dziany dąb* «дуб с бортью» — лтш. *d-t ozoliņi* «выдалбливать борть в дубе» (с. 145) и праслав. **laziti medь* — литов. *kōpti medь* (с. 144). В первой паре генетически тождественны глагол и отглагольное имя, которые являются семантически связанными компонентами фразеологизмов. Во второй паре генетически тождественны имена, семантически не связанные. Поскольку речь идет о соотношении фразеологизмов, принципиально важным представляется генетическое тождество семантически связанных компонентов. Это тождество сближает (хотя и не отождествляет) отношения в первой паре с типом полного фразеологического соответствия. Что же касается второго случая, то не имена определяют специфику этих сочетаний как фразеологизмов и их вхождение в фразеологизмы ничего не добавляет к их заданному родству. Главной харак-

теристикой отношений в этой паре остается тождество семантической структуры. Поэтому представляется необходимым различение этих двух типов отношений. Указанные сложности в типизации соответствий на уровне фразеологизмов не умаляют важности и не противоречат своевременности постановки такой проблемы, первое решение которой осуществлено на очень интересном и в основном тщательно проработанном материале.

Надежность материала, сочетание актуальных проблем и детальность их разработки — все эти достоинства монографии Р. Эккерта заслуживают самого пристального внимания широкого круга лингвистов и делают ее существенным вкладом в сравнительно-историческую лексикологию и фразеологию.

Варбот Ж. Ж.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kartowicz J., Kryński A., Niedźwiedzi W.* Słownik języka polskiego. T. 5. Warszawa, 1912.
2. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. Paris, 1974, p. 711.
3. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 68.
4. *Топоров В. Н.* Балтийские и славянские названия божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в связи с реконструкцией одного из фрагментов основного мифа. — В кн.: Конференция «Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом». 11—15 декабря 1978 г.: Предварительные материалы. М., 1978.
5. *Gauthiot R.* Des noms de l'abeille et de la ruche en indoeuropéen et en finnoougrien. — MSLP, 1910, t. 16, fasc. 4, p. 278.

Petrus Scriptorius. Polonicae grammatices institutio. — Köln — Wien: Böhlau Verlag, 1980. S. XXXIX + 216 («Slavistische Forschungen», № 26).

В серии «Slavistische Forschungen» вышло факсимильное издание первой грамматики польского языка «Polonicae grammatices institutio» Петра Статориуса-Стоенского (1568 г.). Публикацию подготовил Р. Олеш. Воспроизведен экземпляр памятника, хранящийся в библиотеке им. Чарторьских в Кракове. Текст публикуется без изменений, сделана новая нумерация страниц.

«Грамматике» предпослано обширное Введение, написанное Р. Олешем и В. Курашкевичем (с. V—XXXIX), где содержатся сведения о Статориусе, его деятельности и о содержании публикуемого труда. Авторы Введения осветили вопросы, возникавшие в связи с изучением памятника у историков польского языка (А. Брюкнер, П. Зволинский, К. Нич), и изложили свои наблюдения, в которых много нового, в частности, когда речь идет об источниках, привлеченных составителем грамматики.

Петр Статориус был родом из Франции, образование получил в Лозанне, по большую часть жизни (1549—1591 гг.) провел в Польше. Это был общественный деятель периода Реформации, ученый, знаток языков — латыни, греческого, древнееврейского, итальянского. Он преподавал языки, переводил на польский текст библии (Статориус — один из переводчиков «Брестской библии», 1563 г.). «Грамматика польского языка», написанная на латинском языке, — самый крупный труд Статориуса. В предисловии к «Грамматике» он пишет о своем стремлении показать, что польский язык не так труден и беспорядочен, как принято было думать. Стремление сделать польский язык доступным для западноевропейских ученых отвечало духу времени, эпохе Ренессанса. Перед Статориусом стояла задача впервые изложить правила польской грамматики. Задача эта, трудная сама по себе, ослож-

налась тем, что в польском языке XVI в. были процессы интеграции, формировались литературная норма. З. Клеменсевич отмечал, что в этот период «наслаивались друг на друга и сталкивались различные диалектные и региональные тенденции, осуществлялись различные попытки нормализации» [1]. Одним из наиболее сложных был вопрос о текстовых источниках, на которых должна была основываться «Грамматика». Статориус решил этот вопрос, выбрав в качестве основного источника одно произведение — поэму М. Рея «Облик достойного человека» [2] (десять тысяч строк). Из этого источника взято около 75% всех примеров, содержащихся в «Грамматике». Остальные примеры извлечены из произведений Я. Кохановского или взяты из устной речи [1]. В предисловии к рецензируемой публикации Р. Олеш и В. Курашкевич констатируют, что Статориус, наряду с текстовыми источниками, несомненно, пользовался существовавшими латинско-польскими словарями, прежде всего словарем Я. Мончиньского [3] и «Лексиконом» Ф. Мымера [4].

В труде Статориуса содержится богатый лексический и фразеологический материал польского языка XVI в. Проведенная им классификация речевого материала базируется на современной ему лингвистической теории. Статориус систематизировал наблюдаемые им явления и дал полное, фундаментальное описание грамматических особенностей польского языка. Однако в своем труде он опирался не на славянскую грамматическую традицию (как, например, М. Смотрицкий), а на традиции латинистов, черпая отсюда не только терминологию, но и представления о грамматических категориях.

Свой труд Статориус начинает с описания фонетики польского языка (с. 7—21) и исходит из букв латиницы, расположенных в алфавитном порядке. Ему были известны одиннадцать гласных звуков польского языка. Объясняя произношение, Статориус сравнивал их с латинскими звуками, однако подчеркивал различия, существовавшие между гласными *a, o, e* открытыми и закрытыми, обозначавшимися как *á, ó, é*. Им описаны 34 согласных звука, которые он делил на мягкие и твердые.

В «Грамматике» имеется описание частей речи. В разделе об имени (с. 22—93) рассматривается категория рода существительных, степени сравнения прилагательных, склонение числительных, система падежей в целом. Статориус считал, что в польском три склонения — соответственно роду существительных. Каждый тип склонения описан детально, насчитывается около ста пятидесяти парадигм существительных, выделенных автором «Грамматики».

Далее Статориус останавливается на изменении прилагательных по родам и падежам. Специальный раздел посвящен классификации и склонению местоимений (с. 93—103). Раздел о глаголе содержит попытку описать систему времен, наклонений и определить типы спряжения польского глагола. Автор перечисляет пять времен польского глагола: *presens* —

piszę, imperfectum — pisalem, perfectum — także pisalem, plusquamperfectum — pisalem był, futurum — będę pisał (с. 108). Шесть наклонений польского глагола выделены им соответственно латинским образцам. Очень подробно, с большим иллюстративным материалом рассмотрены в «Грамматике» значения глагольных приставок (с. 109—122). Польские примеры переводятся на латинский и поясняются. Наименее удачной оказалась попытка описать систему спряжения польского глагола. Отметим, что в «Грамматике» хорошо представлены глагольные формы двойственного числа, зафиксированные во всех временах и наклонениях.

Автор «Грамматики» дал очень подробное описание значений польских предлогов (с. 166—169) и союзов (с. 170—173).

Последняя часть книги — синтаксис (с. 175—216), где рассмотрены некоторые именные конструкции с родительным, дательным и винительным падежами. В разделе о глаголе изучается управление, описаны функции инфинитива, перечисляются средства, при помощи которых в польском языке обозначается время и место действия. Внимание автора привлекли безличные предложения (с. 204—207) и некоторые типы сложных предложений.

Полонисты неоднократно обращались к «Грамматике» Статориуса как источнику сведений о польском языке XVI в. Лексемы и словосочетания, содержащиеся в этом памятнике и получившие лингвистическую трактовку того времени, являются для них ценным материалом.

Статориус рассматривал некоторые наиболее яркие диалектные черты польского языка, прежде всего — мазурение, которое он расценивал как отклонение от общепринятой нормы польского языка.

Памятник, о котором идет речь, представляет интерес не только для специалистов по истории польского языка и сравнительного языкознания. Для полонистов это также свидетельство развития грамматической мысли и высокого уровня польской культуры XVI в. Труд Статориуса послужил отправной точкой для последующих поколений грамматистов.

Интерес к памятникам подобного жанра не угасает и в нашей стране — примером может служить издание в 1979 г. в Киеве факсимильное издание грамматик Милетия Смотрицкого.

Стрекалова З. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego. Warszawa, 1974, s. 413.
2. Rej M. Wizerunek człowieka poczeiwego. Kraków, 1558.
3. Mączynski J. Lexicon Latino-Polonicum. Królewiec, 1564.
4. Mymerus F. Dictionarium trium linguarum. Kraków, 1528.